

Тоска по мировой культуре

«Набережная неисцелимых» Иосифа Бродского, впервые напечатанная по-русски в апрельском номере журнала «Октябрь» за прошлый год, не только дала название сборнику тринадцати его эссе (издательство «Экслибрис»), но и определила его тональность.

Чем дальше поэт заходит в своем развитии, замечает Бродский в эссе о Цветаевой («Об одном стихотворении»), тем его аудитория — уже. «Набережная неисцелимых», воспоминания о зимней Венеции, — чистой воды совершенство, что предполагает количество читателей никак не больше тиража сборника (10 000). И даже если для тебя не совсем пустой звук кафе «Флориан» на площади Св. Марка, театр «Фениче» или, допустим, современный банк, вторгшийся в старую венецианскую архитектуру, все твои попытки сблизиться с мироощущением рассказчика через эти внешние знаки столь же малопродуктивны, как для него самого освоить топографию города с помощью желтых стрелок на перекрестках, ибо они изогнуты.

Его проза кажется непроницаемой, высокомерной. Но ведь Бродский открыт и даже нагледен в своей тоске по Венеции. После обеда он видит себя вдруг котом, наевшимся рыбы, объясняя, что это неожиданное счастливое переживание спасло его впоследствии от душевного срыва. Читателя ждет нелегкий подъем к взлетам прихотливой авторской мысли: поэт, как ни банально это соображение, живет в другом мире, на другой высоте, где трудно дышать, потому что воздух разрежен. Но без глотка чистого кислорода внизу рискуешь задохнуться.

Эссе о Мандельштаме Бродский озаглавил «Сын цивилизации» и привел в нем известную формулу Мандельштама, раскрывающую его представление об акмеизме: «тоска по мировой культуре». Бродский, даром что нобелевский лауреат, продолжает ту чуть было не пересохшую традицию русской культуры, когда литература рождается из литературы, слово — из слова. Искусство, заявляет поэт, — это дух, ищущий плоть, но находящий слова. Он сам живет в стихии слова, языка, которая для него столь же материальное понятие, как огонь или вода. «Человек, находящийся в подобной зависимости от языка, я полагаю, и называется поэтом», — заключает Бродский свою Нобелевскую лекцию.

Для русского читателя, привыкшего вручать себя литературе, как «теплой заступнице мира холодного», рассуждения о надмирном характере словесности, ее неуправляемой и беспощадной стихии, вряд ли покажутся утешительными. Но, во-первых, Бродский пишет не только для русских. Почти все его эссе, составляющие сборник, переведены с английского. Посвященные в основном русской литературе, они выполняют в том числе и просветительскую миссию. Вряд ли кто с такой библейской мощью сказал о смысле поисков того же Достоевского, как это сделал Бродский, утверждая, что «результаты его инквизиции выявляют нечто,.. превосходящее саму Истину: они обнажают первичную ткань жизни, и ткань эта неприглядна. Толкает его на это сила, имя которой — всеядная прозорливость языка, которому в один прекрасный день становится мало Бога, человека, действительности, вины, смерти, бесконечности и спасения, и тогда он набрасывается на себя».

Утешение — лишь один из смыслов книги, которую Бродский считает собеседником более надежным, чем приятель или возлюбленная. А не-чтение полагает преступлением более тяжким, чем цензурные ограничения или предание книг костру.

Эти проблемы поэт ставит и отвечает на них в своей Нобелевской лекции: как «Набережная неисцелимых» задает сборнику тон, так Нобелевская лекция — программу. Суть ее в следующем: если искусство чему-то учит (художника в первую голову), так это частности человеческого существования. Вольно или невольно поощряя в человеке ощущение индивидуальности, искусство превращает его из отдельного животного в личность. Эстетика, по мысли Бродского, мать этики. Понятия «хорошо» и «плохо» предваряют категории добра и зла. Искусство не побочный продукт видового развития, а ровно наоборот. В истории человеческого вида книга — феномен антропологический, аналогичный изобретению колеса.

Докатившееся до нас колесо с тринадцатью статьями Бродского напомнило мудрыми его устами, что зло, в особенности политическое, всегда плохой стилист. Ко времени. Равно как и наблюдение поэта о том, что чем богаче эстетический выбор индивидуума, чем тверже его вкус, тем четче его нравственный выбор. Тем он свободнее — хотя, возможно, и не счастливее.

Ольга МАРТЫНЕНКО

Моск. Новостн. - 1993 - 4 февр. (сб) - с. 5В.